

Iris
MURDOCH
1919–1999

Айрис
МЕРДОК

Черный принц

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 52

Iris Murdoch
THE BLACK PRINCE
Copyright © 1973 by Iris Murdoch
All rights reserved

Перевод с английского
Инны Бернштейн, Анастасии Поливановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Мердок А.

М 52 Черный принц : роман / Айрис Мердок ; пер. с англ. И. Бернштейн, А. Поливановой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-10337-5

«Черный принц» вошел в золотой фонд мировой литературы (а также в шорт-лист Букеровской премии) и создал Айрис Мердок славу самой «английской» писательницы XX века. «Черный принц» — это вершина психологической прозы автора; это своеобразный, замкнутый внутри себя мир, существующий по своим собственным законам, мир, одновременно логичный и причудливый, реалистичный — и в чем-то ирреальный. Любовь и предательство, цинизм и порядочность — эти взаимоисключающие понятия характеризуют большинство героев книги. Итак, Брэдли Пирсон, стареющий писатель, переживает творческий кризис. Окруженный требующими постоянного внимания и заботы родственниками, терзаемый бывшей женой, он пытается найти утешение в любви к молоденькой девушке, дочери друга. Эта любовь, обреченная с самого начала, неминуемо ведет к катастрофе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 2019
© А. В. Поливанова, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10337-5

Черный принц

Праздник любви

Часть первая

Вероятно, эффектнее всего было бы начать рассказ с того момента, когда позвонил Арнольд Баффин и сказал: «Брэдли, вы не могли бы сюда приехать? Я, кажется, убил свою жену». При более глубоком подходе, однако, естественнее, чтобы действие открыл Фрэнсис Марло (в роли пажа или горничной, что, конечно, пришлось бы ему по душе). Он появился на сцене примерно за полчаса до решающего звонка Арнольда, и то известие, которое он мне принес, служит как бы рамкой, или контрапунктом, или наружной оболочкой драмы Арнольда Баффина, свершавшейся тогда и позднее. Впрочем, мест, с которых можно начать, много. Я мог бы, например, пойти от слез Рейчел или от слез Присциллы. В этой истории проливается немало слез. Но если не упрощать, любой порядок изложения окажется условным. Действительно, с чего вообще начинается все? Уже одно то, что три из четырех предложенных мною зачинов не соединяет никакая причинная связь, наталкивает на самые безумные мысли о тайне человеческих судеб.

Как уже было сказано выше, я как раз собирался уехать из Лондона. Сырой, промозглый майский день клонился к вечеру. Ветер не приносил аромата цветов, а только оставлял на теле холодную, простудную испарину, которую тут же принимался сдирать вместе с кожей. Чемоданы мои были уложены, и я собирался позвонить и вызвать такси, даже уже поднял трубку, когда на меня вдруг нашло то состояние нервного торможения, та потребность помедлить с отъездом, сесть и еще раз все обдумать, ко-

торую, как говорят, русские возвели в обычай. Я положил назад телефонную трубку, возвратился в свою заставленную викторианской мебелью гостиную и сел на стул. И сразу меня охватило мучительное беспокойство о множестве разных вещей, которые я уже тысячу раз проверял. Довольно ли я взял с собою снотворных таблеток? Не забыл ли микстуру с белладонной? Уложил ли свои записные книжки? Я могу писать только в записных книжках особого формата, разлинованных строго определенным образом. Я поспешил обратно в переднюю, отыскал, разумеется, и записные книжки, и таблетки, и белладонну, но чемоданы мои были теперь наполовину распакованы, и я ощущал довольно сильное сердцебиение.

Я занимал тогда, как, впрочем, уже задолго до этого, небольшую квартиру на первом этаже в глубине живописного старого квартала в Северном Сохо, неподалеку от башни Почтамта. Это довольно обшарпанный, наполненный неумолчным уличным шумом район, но я предпочитал его благородную столичную бедность чрезмерной неотесанной сытости пригородов, прельстившей Баффинов. Все мои окна выходили во двор. Из спальни были видны мусорные баки и пожарная лестница, из гостиной — глухая кирпичная стена, заляпанная грязью. Моя гостиная (собственно, это была не комната, а только полкомнаты, вторая половина, голая и необжитая, служила спальней) была обшита панелями того благородного пепельно-зеленого оттенка, который приобретается только после пятидесяти лет постепенного выцветания. Эту квартирку я до отказа набил мебелью, викторианскими и восточными безделушками, разнообразными мелкими *objets d'art*¹, диванными подушечками, инкрустированными подносами, бархатными скатертями, даже салфеточками, даже кружевами. Я не коллекционирую, я про-

¹ Произведениями искусства (*фр.*).

сто накапливаю. Кроме того, я скрупулезно аккуратен, хотя и мирюсь с пылью. Темное уютное логово — вот что такое была моя квартира, один усложненный интерьер и ничего снаружи. Только за порогом парадного, которое еще не было входом в мою квартиру, можно, задрав голову, увидеть над крышами кусок неба и уходящую ввысь нагую башню Почтамта.

Вот как получилось, что я отложил свой отъезд. Что, если бы я этого не сделал? Я собирался скрыться на все лето, хотя места этого я никогда не видел и снял дом заочно. Арнольду я не сказал, куда еду. Я напустил таинственности. Почему, интересно бы знать? Из какой-то скрытой недоброжелательности? Неизвестное всегда представляется значительнее, чем оно есть на самом деле. Я сказал ему твердо и уклончиво, что буду путешествовать за границей и не могу дать определенного адреса. Зачем эта ложь? Вероятно, отчасти из желания удивить его. Всем было известно, что я никогда никуда не езжу. Наверное, я решил, что мне пора удивить Арнольда. Не сообщил я о предстоящем отъезде и своей сестре Присцилле. В этом как раз не было ничего странного. Она жила в Бристоле с мужем, который был мне решительно несимпатичен. Что, если бы я успел уйти из дому до того, как постучался Фрэнсис Марло? Что, если бы к остановке успел подойти трамвай и увезти Гаврилу Принципа¹, прежде чем автомобиль эрцгерцога выехал из-за угла?

Я снова уложил чемоданы и сунул в карман, чтобы перечитать в поезде, третий вариант моей рецензии на последний роман Арнольда. Плодовитый и популярный романист Арнольд Баффин, выпускающий по книге в год, никогда надолго не исчезает из поля зрения публики. У меня с ним расхождения по вопросу о его творчестве. Бывает, что близкие друзья соглашались между собой о том, что в чем-то важном они не согласны, и эту область

¹ Серб, убивший летом 1912 г. австрийского эрцгерцога Фердинанда, что послужило толчком для начала Первой мировой войны.

обходят молчанием. Так какое-то время было и у нас. Художники — обидчивый народ. Однако, проглядев последнюю книгу Арнольда, я нашел в ней кое-какие похвальные, на мой взгляд, черты и поэтому согласился написать рецензию в воскресную газету. С рецензиями я выступаю редко, ко мне редко обращаются. Но тут я подумал, что мне представляется случай частично загладить обиду, которую, возможно, я причинил Арнольду своим прежним критическим отношением. Однако, перечитав роман внимательнее, я убедился, что он не нравится мне точно так же, как и его многочисленные *confrères*¹, и у меня вышла не рецензия, а «генеральный разнос» творчества Арнольда. Что было делать? Мне не хотелось подводить редактора: приятно иногда видеть свое имя в печати. И потом, разве критик не должен высказываться прямо и без оглядки? С другой стороны, Арнольд — мой старый друг.

И тут у входной двери — мое бессвязное повествование уже и так слишком долго оттягивало этот миг — прозвенел звонок.

Посетитель, стоявший на пороге парадной двери моего дома, но еще за порогом двери в мою квартиру, был мне незнаком. Кажется, он дрожал, то ли от ветра, то ли от волнения или алкоголя. На нем был очень старый синий макинтош и желтое скрученное кашне-удавка на шее. Он был толст (макинтош явно не застегивался), невысок ростом, волосы густые и курчавые, давно не стриженные, с проседью, лицо круглое, со слегка крючковатым носом, толстыми, очень красными губами и удивительно близко посаженными глазами. Он походил, как я потом подумал, на карикатурного медведя. Не на настоящего — у настоящих медведей глаза, по-моему, расставлены широко, а вот на карикатурах их рисуют с близко посаженными глазами — вероятно, для того, чтобы выра-

¹ Собратья (*фр.*).

зить их свирепость и коварство. Мне его вид совсем не понравился. Я ощутил в нем нечто подчеркнуто злое, хотя и не поддававшееся еще определению. Кроме того, от него пахло.

Наверное, здесь уместно будет снова сделать небольшой перерыв в рассказе и описать самого себя. Я высокого, шести с лишком футов, роста, худощав, блондин, еще не облысел, прямые шелковистые волосы слегка поблекли. У меня нервное, тонкое лицо с мягким, застенчивым выражением, тонкие губы и голубые глаза. Очков я не ношу. И выгляжу значительно моложе своих лет.

Человек, источавший запах, сразу же с порога начал что-то очень быстро говорить. Что именно, я не расслышал. Я слегка глуховат.

— Простите, я не понял, чего вы хотите, говорите, пожалуйста, громче, я вас не слышу.

— Она вернулась, — разобрал я его ответ.

— Что? Кто вернулся? Я вас не понимаю.

— Кристиан вернулась. Он умер. А она вернулась.

— *Кристиан.*

Это было имя моей бывшей жены, и его уже много лет не произносили в моем присутствии.

Я отпустил ручку двери, и человек, говоривший со мной с порога парадного, — теперь я уже узнал его — проскользнул, вернее, пронырнул в квартиру. Я возвратился в гостиную, он последовал за мною.

— Вы меня не помните?

— Помню.

— Я же Фрэнсис Марло, ваш шурин.

— Да-да, как же.

— То есть бывший, разумеется. Я подумал, что надо вам сообщить. Она овдовела, он оставил ей все, она вернулась в Лондон, в ваш старый дом...

— Она вас послала?

— К вам? Нет, не совсем, но...

— Послала или нет?

— Ну нет. Я узнал от адвоката. Понимаете, она рас-
положилась в вашем старом доме!

— Вам незачем было приходить...

— Значит, она сама вам написала? Я так и думал, что
она, наверное, напишет.

— Разумеется, она мне не писала!

— Я подумал, вы, конечно, захотите с ней увидеться...

— Я совершенно не хочу с ней видаться. Меньше все-
го я хотел бы увидеться с ней. И слышать о ней у меня
также нет ни малейшего желания.

Не буду здесь описывать мой брак. Некоторое пред-
ставление о нем, безусловно, должно будет сложиться
впоследствии. В настоящее же время интерес представ-
ляет лишь его общая природа, без каких-либо деталей.
Этот брак был неудачен. Сперва я видел в ней дарительни-
цу жизни. Потом — дарительницу смерти. Бывают такие
женщины. Они заряжают вас энергией, которая как буд-
то открывает перед вами мир; а потом вдруг в один пре-
красный день обнаруживается, что вас пожирают живьем.
Те, кто, как я, испытал это, поймут, о чем я говорю. Воз-
можно, что я холостяк по натуре. Несомненно, что Крис-
тиан по натуре кокетка. Откровенная глупость может
быть по-своему неотразима в женщине. Я, во всяком
случае, не остался равнодушен. Как женщина она была,
по-видимому, довольно привлекательна. Люди считали,
что мне сильно повезло. Она привнесла в жизнь то, что
я больше всего ненавижу, — беспорядок. Устраивала сце-
ны. Кончилось тем, что я ее возненавидел. Пять лет та-
кого брака убедили нас обоих в совершенной невозмож-
ности продолжать так и дальше. Сразу же после наше-
го развода Кристиан вышла за богатого малограмотного
американца по фамилии Эвендейл, поселилась в Илли-
нойсе и для меня исчезла из жизни навеки.

Может ли что-нибудь сравниться с мутным, гнетущим
ощущением, которое остается от неудавшегося брака?
А с ненавистью, которую испытываешь к бывшему су-

пругу или супруге? (Как смеют они быть счастливыми?) Не верю тем, кто в этой связи толкует о «дружеских отношениях». Я сам годы прожил с постоянным чувством, что все замарано, испорчено, на душе от этого становилось иногда так скучно, так уныло. Я не мог освободиться из-под власти этой женщины. Здесь не было ничего общего с любовью. Кто испытал такую зависимость, поймет. Есть люди, которые от природы являются «уничжителями», «принизителями» других. Наверное, всякий человек кого-нибудь унижает. Иначе надо быть святым. Но большинство знакомых благополучно уходят из нашего сознания, как только мы перестаем их видеть. С глаз долой — из сердца вон, такова хартия человеческого выживания. Но к Кристиан это не относилось, она была вездесуща: душа ее была ненасытна, мысли разъедали на любом расстоянии, словно губительные лучи, пронизывающие пространство и время. Брошенные ею фразы застревали в памяти, от них некуда было деться. В конце концов только добрая старая Америка излечила меня от нее. Я отправил ее со скучным мужем в скучный и очень отдаленный город и смог наконец считать ее умершей. Какое облегчение.

Другое дело — Фрэнсис Марло. Ни сам он, ни его мысли никогда не имели для меня значения, да и ни для кого другого, насколько я знал, тоже. Он был младшим братом Кристиан, и она обращалась с ним презрительно-терпимо. Он никогда не был женат. После затянувшегося учения он окончил курс с дипломом врача, но вскоре был его лишен за какие-то махинации с наркотиками. Позже я с отвращением узнал, что он завел себе практику в качестве самозванного «психоаналитика». Еще позже я слышал, что он пьет. Если бы мне сообщили, что он окончил жизнь самоубийством, меня бы это совсем не удивило и не встревожило. Новой встрече с ним я отнюдь не обрадовался. Да он и стал почти неузнаваем. Прежде это был легконогий, стройный фавн в ореоле белокурых

волос. А теперь стал толстым, грубым, краснолицым и жалким, чуть диковатым, с какой-то зловещинкой, быть может, даже слегка безумным. Только глупым он как был, так и остался. Впрочем, в ту минуту меня интересовал не мистер Фрэнсис Марло, а та убийственная новость, которую он мне сообщил.

— Меня удивляет, что вы сочли нужным обратиться ко мне. Это непростительная наглость. Я ничего не желаю знать о моей бывшей жене. С этим покончено много лет назад.

— Не сердитесь на меня, — сказал Фрэнсис, поджимая свои красные губы словно для поцелуя (привычка, которую я вспомнил с отвращением). — Ну пожалуйста, не сердитесь, Брэд.

— И не зовите меня «Брэд». Я опаздываю на поезд.

— Я не задержу вас, позвольте мне только объяснить — просто я думал... да-да, я буду очень краток, только, пожалуйста, выслушайте меня, прошу вас, умоляю... Понимаете, дело в том, что первым человеком, кого Крис захочет увидеть в Лондоне, будете вы...

— *Что?*

— Она придет прямо к вам, честное слово, я это чувствую.

— Вы что, совсем рехнулись? Разве вы не знаете... Я не собираюсь обсуждать с вами... Никакие отношения здесь невозможны, с этим покончено много лет назад.

— Да нет же, Брэд, понимаете...

— Не называйте меня «Брэд»!

— Хорошо, хорошо, Брэдли, виноват, только не сердитесь, ведь вы же знаете Крис, вы для нее очень много значили, на самом деле значили гораздо больше, чем старый Эванс, и она непременно придет к вам, хотя бы из одного любопытства.

— Меня здесь не будет, — сказал я.

Все это вдруг показалось мне очень правдоподобным. В каждом есть, вероятно, глубоко запрятанная жилка

зловредности. У Кристиан ее, безусловно, было больше, чем у кого бы то ни было. Эта женщина действительно могла явиться ко мне — из любопытства или назло, — как кошки, говорят, нарочно прыгают на колени к тем, кто их терпеть не может. В самом деле, любопытно посмотреть на того, кто некогда состоял с тобою в браке, хочется убедиться, что этого человека мучит раскаяние и разочарование. Хочется услышать о нем дурные вести. Позлорадствовать. Кристиан наверняка потянет удостовериться, что я прозябаю в ничтожестве.

А Фрэнсис продолжал:

— Ей захочется покрасоваться: ведь она теперь богата, веселая вдова, так сказать, и захочет покрасоваться перед старыми знакомыми, всякий бы на ее месте захотел, так что не сомневайтесь, она выкопает вас из-под земли, вот увидите, и...

— Меня это не интересует! — крикнул я. — Совершенно *не интересует!*

— Еще как интересует. Поверьте. Если я видел человека с заинтересованным выражением лица, то это...

— У нее есть дети?

— Вот видите? Видите? Нет, нет у нее детей. И понимаете, Брэд, я всегда вам симпатизировал, хотел с вами увидеться, я восхищаюсь вами, я читал вашу книгу...

— Которую?

— Не помню названия. Замечательная книга. Может быть, вас удивляло, что я не показывался...

— Нет!

— Понимаете, я очень застенчив. Думал, куда я полезу, мелкая сошка, а теперь, с возвращением Кристиан... Дело в том, что я по уши в долгах, вынужден постоянно менять адрес, а это... Ну вот, а Крис некоторое время назад откупилась, так сказать, от меня, и я подумал, если вы с Крис теперь снова будете вместе...

— То есть вы хотите, чтобы я был вашим заступником?

— Вроде того, вроде того.

— Ну и ну! — сказал я. — Уходите-ка отсюда, вот что.

Мысль, что я буду вытягивать из Кристиан деньги для ее уголовника-братца, показалась мне чересчур дикой даже для Фрэнсиса.

— Видите ли, я так и сел, когда узнал, что она вернулась, я был потрясен, ведь это меняет все, мне нужно было пойти и обговорить это с кем-нибудь, просто по-человечески, естественно, я сразу подумал про вас — послушайте, у вас в доме найдется что-нибудь выпить?

— Будьте добры, уйдите.

— Я чувствую, что она захочет вас увидеть, захочет произвести на вас впечатление... Понимаете, мы с ней порвали, прекратили переписку, я все время просил денег, и она в конце концов поручила адвокату заставить меня замолчать... Но теперь можно будет начать как бы все сначала, если только вы меня поддержите, замолвите словечко...

— Вы что, хотите, чтобы я сыграл роль вашего друга?

— Но ведь мы бы и в самом деле могли быть друзьями, Брэд... Послушайте, неужели у вас не найдется ничего выпить?

— Нет.

И тут зазвонил телефон.

— Будьте добры, уйдите, — сказал я. — И больше не приходите.

— Брэдли, имейте жалость...

— Вон!

Он стоял передо мною, и вид у него был до отвращения смиренный. Я распахнул дверь гостиной и дверь на лестницу. Потом в передней я снял телефонную трубку.

Раздался голос Арнольда Баффина. Он прозвучал спокойно, неторопливо: «Брэдли, вы не могли бы сейчас приехать сюда? Я, кажется, убил Рейчел».

Я ответил сразу, тоже негромко, но с чувством:

— Не говорите глупостей, Арнольд. Слышите?

— Если можете, пожалуйста, приезжайте немедленно. — Его голос был как дикторское объявление, записанное на пленку.

Я спросил:

— Врача вы не вызывали?

Помолчав, он ответил:

— Нет.

— Так вызовите.

— Я... вам все объясню... Пожалуйста, если можно, приезжайте прямо сейчас.

— Арнольд, — сказал я, — вы не могли убить ее. Вы говорите чепуху. Этого не может быть...

Короткое молчание.

— Не знаю.

Его голос был невыразителен, как бы спокоен, несомненно вследствие пережитого потрясения.

— Что произошло?

— Бредли, если можно...

— Хорошо, — сказал я. — Сейчас приеду. Возьму такси.

Я положил трубку.

По-видимому, здесь уместно будет отметить, что первым моим чувством, когда я услышал сообщение Арнольда, была странная радость. Пусть читатель, прежде чем провозгласить меня чудовищем бессердечия, заглянет в собственную душу. Подобные реакции, в общем, не так уж ненормальны, по крайней мере, почти простительны. Беды наших друзей мы, естественно, воспринимаем с определенным удовольствием, которое вовсе не исключает дружеских чувств. Отчасти, но не полностью это объясняется тем, что нам импонируют полномочия помощника, которые нам при этом достаются. И чем внезапнее или неприличнее беда, тем нам приятнее. Я был очень привязан и к Арнольду, и к Рейчел. Но между женатыми и холостяками существует некая родовая вражда. Я не выношу эту манеру женатых людей, быть может неосознанную, изображать из себя не только более счастливых, но в каком-то отношении и более нравственных

индивидуумов, чем вы. Это им тем легче дается, что человек неженатый склонен рассматривать каждый брак как счастливый, если ему не приходится удостовериться в противном. Брак Баффинов всегда виделся мне достаточно прочным. И эта неожиданная виньетка к семейному счастью совершенно опрокинула все мои представления.

С лицом, все еще розовым от возбуждения, вызванного словами Арнольда, и в то же время, необходимо подчеркнуть (ибо одно ничуть не противоречит другому), расстроенный и огорченный, я обернулся и увидел перед собою Фрэнсиса, о чьем существовании успел забыть.

— Что-то случилось? — спросил Фрэнсис.

— Нет.

— Я слышал, вы говорили о враче.

— Жена моего друга упала и ушиблась. Я еду туда.

— Может, мне поехать с вами? — предложил Фрэнсис. — Глядишь, окажусь кстати. В конце-то концов, в глазах Бога я все еще врач.

Я минуту подумал и ответил:

— Хорошо, поехали.

И мы сели в такси.

Здесь я опять делаю паузу, чтобы сообщить еще несколько слов о моем протееже Арнольде Баффине. Я крайне озабочен (и это не слова, я действительно до крайности озабочен) тем, чтобы мое описание Арнольда было ясным и справедливым, поскольку вся эта история представляет собой, в сущности, историю моих с ним отношений и той трагической развязки, к которой они привели. Я «открыл» Арнольда — он намного моложе меня, — когда был уже небезызвестным писателем, а он, недавний выпускник колледжа, только заканчивал свой первый роман. Я тогда уже «отделался» от жены и переживал один из тех периодов душевного и творческого обновления, в которых каждый раз усматривал залог ожидаю-

щих меня успехов. А он, только что окончив Редингский университет по английской литературе, работал учителем в школе. Мы познакомились на каком-то собрании. Он стыдливо признался, что пишет роман. Я выразил вежливый интерес. Он прислал мне почти законченную рукопись. (Это был, разумеется, «Товий и падший ангел», я и теперь считаю, что это его лучшая книга.) Я усмотрел в его рукописи кое-какие достоинства и помог ему найти для нее издателя. Я же, когда книга вышла из печати, и опубликовал на нее весьма похвальную рецензию. С этого началась одна из самых успешных, с денежной точки зрения, литературных карьер нашего времени. Арнольд немедленно — кстати сказать, вопреки моему совету — оставил место учителя и полностью посвятил себя «писательству». Писал он легко, каждый год по книге, и продукция его отвечала общественным вкусам. Слава и материальное благополучие пришли своим чередом.

Высказывалось мнение, особенно в свете последовавших событий, будто я завидовал писательскому успеху Арнольда. Я с самого начала решительнейшим образом отвергал это. Я иногда завидовал той свободе, с какой он писал, в то время как я был словно скован за письменным столом. Но я никогда не испытывал зависти к Арнольду Баффину вообще по очень простой причине: я считал, что он достигает успеха, поступаясь искусством. Как человек, открывший его и покровительствовавший ему, я чувствовал, что его деятельность имеет ко мне прямое отношение, и меня угнетало, что молодой, многообещающий автор пренебрегает истинными целями творчества и так легко подделывается под вкусы публики. Я уважал его трудолюбие и отдавал должное его блистательной карьере. У него было еще много талантов помимо чисто литературных. Но книги его мне не нравились. Впрочем, здесь на помощь приходил такт, и мы, как я уже говорил, стали обходить некоторые темы молчанием.

Я был на свадьбе Арнольда с Рейчел (я рассказываю о том, что происходило вот уже скоро двадцать пять лет назад). И с тех пор я многие годы каждое воскресенье у них обедал и, кроме того, еще по меньшей мере раз в неделю виделся с Арнольдом в будни. Наши отношения были почти родственными. Одно время Арнольд даже именовал меня своим духовным отцом. Традиция такого близкого общения, однако, нарушилась после того, как Арнольд позволил себе одно замечание о моей работе, которого я здесь воспроизводить не буду. Но дружба наша сохранилась. Она стала, пройдя испытания, даже еще горячее и, во всяком случае, гораздо сложнее. Не стану утверждать, что мы с Арнольдом были, так сказать, одержимы друг другом. Но безусловно, мы представляли друг для друга неистощимый интерес. Я чувствовал, что Баффины нуждаются во мне. Я ощущал себя как бы божеством — хранителем их домашнего очага. Арнольд был мне благодарен, даже предан, хотя суда моего, без сомнения, боялся. Возможно, что у него самого, неуклонно опускавшегося на дно литературной посредственности, жил в душе такой же строгий судия. Мы часто спешим занять те позиции, которые особенно боимся уступить враждебным нам силам. Неодобрительное отношение к творчеству другого служит у художников почвой для самой глубокой вражды. Мы — честолюбивый народ и можем бесповоротно рассориться из-за критики. И нам с Арнольдом, двум творческим личностям, делает честь, что мы по той или иной причине сумели сохранить взаимную привязанность.

Я хочу подчеркнуть, что успех не испортил Арнольда Баффина. Он не стал ловкачом, уклоняющимся от уплаты налогов, владельцем яхты и виллы на Мальте. (Мы иногда в шутку обсуждали законные возможности скосить налоги, но никогда — незаконные способы уклониться от них.) Он жил в довольно большом, но, впрочем, достаточно скромном особняке в одном из «зажиточных»

кварталов Илинга. Домашний уклад его был до раздражения лишен «стиля». И дело не в том, что он изображал из себя обыкновенного, простого человека. В каком-то смысле он действительно был этим обыкновенным, простым человеком и избегал увлечений, которые могли бы потребовать от него во благо ли, во зло ли, но другого употребления денег. Не помню, чтобы он хоть когда-нибудь покупал красивые вещи. Вообще ему не доставало зрительного вкуса, в то же время он питал довольно воинственную любовь к музыке. Что до его внешности, то он остался все тем же школьным учителем в бесформенной простой одежде и сохранил слегка застенчивый и неотесанный юношеский облик. Изображать из себя великого писателя ему и в голову не приходило. А может быть, ум (а ум у него был достаточно острым) подсказал ему именно такой способ изображать великого писателя. Он носил очки в стальной оправе, из которых выглядывали неожиданно светлые серо-зеленые глаза. Нос у него был острый, лицо слегка лоснящееся, но цвет лица здоровый. В его внешности ощущался некоторый общий недостаток пигментации. Что-то от альбиноса? Он считался и, вероятно, был красивым. У него была привычка постоянно причесывать волосы.

Арнольд посмотрел на меня и молча кивнул на Фрэнсиса. Мы стояли в прихожей. Арнольд был на себя не похож — лицо восковое, волосы взъерошенные, взгляд без очков рассеянный и безумный. На щеке у него рдел какой-то отпечаток, похожий на китайский иероглиф.

— Это доктор Марло. Доктор Марло — Арнольд Баффин. Доктор Марло случайно оказался у меня, когда вы позвонили и сообщили о несчастном случае с вашей женой. — Я сделал ударение на словах «несчастном случае».

— Доктор, — повторил Арнольд. — Да... она... понимаете...

— Она упала? — подсказал я.

— Да. А он... этот господин — доктор... медик?
— Да, — подтвердил я. — Он мой друг. — Эта ложь со-
держала, по крайней мере, важную информацию.

— А вы — тот самый Арнольд Баффин? — спросил
Фрэнсис.

— Тот самый, — ответил я.

— Послушайте, я восхищаюсь вашими книгами. Я чи-
тал...

— Что произошло? — обратился я к Арнольду.

Мне подумалось, что он похож на пьяного, и тут же
я действительно ощутил запах спиртного.

Арнольд медленно и с усилием произнес:

— Она заперлась в спальне. После... после того, что
случилось... Было так много крови... Я подумал... Я, пра-
во, не знаю... Рана, понимаете, была... Во всяком случае...
Во всяком случае... — И он окончательно смолк.

— Продолжайте же, Арнольд. Пожалуй, вам лучше
сесть. Ведь верно, лучше будет, если он сядет?

— Арнольд Баффин! — бормотал себе под нос Фрэн-
сис.

Арнольд прислонился спиной к вешалке в передней,
уперся затылком в чье-то пальто, на минуту закрыл гла-
за и продолжал:

— Простите. Понимаете, она там сначала плакала
и кричала. В спальне. А теперь все стихло. И она не от-
вечает. Может быть, она потеряла сознание или...

— А дверь взломать нельзя?

— Я пробовал. Пробовал. Но долото... дерево крошит-
ся, и ничего не...

— Сядьте, Арнольд, ради бога.

Я толкнул его в стоявшее поблизости кресло.

— И в замочную скважину ничего не видно, там ключ...

— Наверное, расстроилась и не хочет отвечать просто
из... знаете ведь, как бывает...

— Да-да, — сказал он. — Я же не хотел... Если это все
так... Я, право, не знаю... Брэдли, вы сами попробуйте.

— Где ваше долото?
— Там. Оно маленькое. Я не мог найти...
— Ладно, вы оба оставайтесь здесь, — сказал я. — А я поднимусь посмотрю, в чем там дело. Ручаюсь, что... Арнольд, да сядьте же!

Я остановился перед дверью, слегка испорченной стараниями Арнольда. Облупившаяся белая краска лепестками обсыпалась на рыжий коврик перед спальней. Здесь же валялось долото. Я нажал на ручку и позвал:

— Рейчел! Это Брэдли. Рейчел!

Молчание.

— Я принесу молоток, — невидимый, сказал снизу Арнольд.

— Рейчел, Рейчел, ответьте, пожалуйста.

Мне вдруг стало по-настоящему страшно. Я со всей силы надавил на дверь. Она была тяжелая и прочная.

— Рейчел!

Молчание.

Я с размаху навалился на дверь, громко позвал: «Рейчел! Рейчел!» Потом замолчал и напряженно прислушался. Из-за двери донесся еле слышный шорох, неуловимый, точно мышиный бег. Я молился вслух:

— Господи! Пусть она только будет жива и невредима! Пусть она будет жива и невредима.

Снова шорох. Потом тихий, почти неразличимый шепот:

— Брэдли.

— Рейчел, Рейчел, вы живы?

Молчание. Шорохи. Тихий шелестящий вздох: «Да». Я крикнул вниз:

— Она жива! Ничего страшного не случилось.

Позади меня на лестнице послышались их голоса.

— Рейчел, впустите меня, хорошо? Впустите меня.

Что-то зашуршало внизу двери, и близкий голос Рейчел сипло произнес в щель:

— Входите. Но только вы один.

Ключ повернулся в замке, и я быстро протиснулся в спальню, мельком заметив через плечо на лестнице Арнольда и Фрэнсиса за его спиной. Их лица я увидел с особой отчетливостью, как в толпе у распятия, — лица художника и его друга. Губы Арнольда были растянуты в презрительной гримасе страдания. Вид Фрэнсиса выражал нездоровое любопытство. И то и другое подходило для распятия. Переступив порог, я чуть не упал на Рейчел, потому что она сидела у самой двери на полу. Она тихо стонала, дрожащей рукой спеша повернуть ключ. Я запер дверь и опустился рядом с нею на пол.

Поскольку Рейчел Баффин — одно из главных действующих лиц этой драмы, в каком-то трагическом смысле даже самое главное действующее лицо, я хочу здесь задержаться и коротко описать ее. Я знал ее больше двадцати лет, почти столько же, сколько и Арнольда, однако в то время, о котором идет сейчас речь, я знал ее, как стало очевидно впоследствии, довольно плохо. Что-то в ней было для меня неясное. Некоторые женщины, я бы сказал даже, многие женщины, по моим представлениям, отличаются какой-то зыбкостью. Не здесь ли кроется основная разница между полами? Может быть, это просто отсутствие эгоизма в женщинах? (С мужчинами, по крайней мере, все ясно.) У Рейчел это шло, во всяком случае, не от недостатка ума. Но существовала какая-то неопределенность, и все ее хорошее отношение ко мне и моя многолетняя, почти родственная связь с Баффинами не могли эту неопределенность рассеять и даже, наоборот, пожалуй, усиливали. Мужчины, несомненно, играют в жизни роли. Но и женщины тоже играют роли, только менее четкие. В театре жизни им достается меньше выигранных реплик. А может быть, я измышляю загадки там, где все очень просто. Рейчел была умная женщина, жена знаменитого человека, такая женщина инстинктивно держится как простое отражение своего мужа, она как бы направляет на него все лучи. Ее зыбкость не возбуждала и простого любопытства. От такой женщины даже

честолюбия не приходится ждать, тогда как нас с Арнольдом, каждого на свой лад, буквально терзало и, пожалуй, направляло в жизни неумное честолюбие. Рейчел можно было назвать (в том смысле, в каком никогда не скажешь этого о мужчине) «молодчагой» и «славным малым». На нее можно было положиться, это уж бесспорно. С виду это была (тогда) крупная приятная женщина, довольная жизнью, хорошая и умная жена всеми признанного чародея. У нее было широкое, белое, слегка веснушчатое лицо и жестко торчащие рыжие волосы. Пожалуй, она была немного высоковата для женщины и вообще физически как-то превосходила мужа. В последние годы она стала заметно прибавлять в весе, человек посторонний мог бы сказать — разжирела. Она постоянно была занята благотворительностью или политикой слегка левого толка (сам Арнольд политикой не интересовался). Словом, она была превосходной домашней хозяйкой и часто именно так себя и величала.

— Рейчел, вы не пострадали?

Под левым глазом у нее наливался багровый синяк. И глаз уже начал заплывать, хотя это не сразу было заметно, потому что оба глаза распухли и покраснели от слез. Верхняя губа с одной стороны тоже распухла. На шее и спереди на платье была кровь. Всклоченные волосы казались темнее обычного, словно мокрые, быть может, они и в самом деле намокли в потоке ее слез. Она тяжело, прерывисто дышала. Ворот ее платья был растегнут, и в прорези виднелось белое кружево и выпиравшее над ним рыхлое тело. Она так сильно плакала, что лицо ее распухло до неузнаваемости, оно было мокрым, лоснящимся и как бы раскаленным. Теперь она снова расплакалась и, отшатнувшись от моей дружеской руки, стала рассеянно стягивать у горла платье.

— Рейчел, вы ранены? Я привез врача.

Она стала грузно подниматься с пола, опять отстранив мою поддерживающую руку. От ее прерывистого

дыхания на меня пахнуло спиртом. Затрепал придавленный коленом подол платья. Она отпрянула и не то бросилась, не то упала на разоренную постель в глубине комнаты. Рухнула на спину, пытаясь прикрыться одеялом, — безуспешно, потому что она лежала на нем, — и, только закрыв руками лицо, зарыдала страшно, в голос, в самозабвении горя некрасиво раскинув на постели ноги.

— Рейчел, ну пожалуйста, возьмите себя в руки. Вот, выпейте воды.

Выносить этот отчаянный плач было выше моих сил, я испытывал чувство, близкое к смущению, но только гораздо более сильное, оно и мешало, и заставляло смотреть на нее. Женский плач пугает и мучит нас сознанием вины; а этот женский плач был ужасен.

Арнольд за дверью кричал:

— Впусти меня, Рейчел, пожалуйста, умоляю!..

— Перестаньте, Рейчел, слышите? — сказал я. — Это непереносимо. Перестаньте. Я пойду отпру дверь.

— Нет, нет! — без голоса, как бы шепотом, взывала она. — Только не Арнольда, только не...

Неужели она все еще его боялась?

— Я впущу врача.

— Нет, нет!

Я открыл дверь и отстранил ладонью Арнольда.

— Войдите и осмотрите ее, — сказал я Фрэнсису. — У нее кровь.

Арнольд в дверях громко и жалобно взывал:

— Дорогая, прошу тебя, позволь мне только на тебя взглянуть, не сердись, ну пожалуйста...

Я оттолкнул его к лестнице. Фрэнсис вошел в спальню и запер за собою дверь — то ли из деликатности, то ли по правилам своей профессии.

Арнольд сел на верхнюю ступеньку и застонал:

— О господи, господи, господи...

К моему испугу и смущению примешалось теперь какое-то жуткое, манящее любопытство. Арнольд, позабыв

о том, что за зрелище он собой являет, сидел, запустив обе руки в волосы, и стонал:

— Господи, ну и кретин, ну и кретин!..

Я сказал:

— Успокойтесь. Что у вас тут произошло?

— Где взять ножницы? — крикнул из-за двери Фрэнсис.

— В верхнем ящике туалетного стола, — отозвался Арнольд. — Господи! Зачем ему ножницы? Неужели он хочет оперировать?..

— Что у вас произошло? Давайте спустимся немного.

Я подтолкнул Арнольда, и он, скрючившись и хватаясь за перила, сполз за поворот лестницы и сел на ступеньку внизу, держась за голову и уставясь в пол. В прихожей у них всегда стоял полумрак, потому что стекло над входной дверью было цветное. Я обошел Арнольда и сел в кресло. На душе у меня было какое-то странное тягостное смятение.

— О господи, господи! Вы думаете, она простит меня?

— Конечно. Но что же...

— Все началось с обыкновенной дурацкой ссоры из-за моей новой книги. Черт! Как можно быть таким кретином! Мы оба твердили свое, не отступались. Обычно мы не спорим о моих книгах, то есть просто Рейчел все нравится и она считает, что спорить не о чем. Иногда только, если ей нездоровится или что-нибудь такое, она прицепится к какому-нибудь месту и начинает говорить, что это про нее или что там описывается какой-то случай, который был с нами, ну, все в таком духе. Но вы ведь знаете, я не пишу так, прямо с натуры, у меня в книгах все вымышленное, а Рейчел иногда ни с того ни с сего взбредет в голову, будто она обнаружила что-то для себя обидное, оскорбительное, унижающее, вдруг какая-то прямо мания преследования, и расстраивается она из-за этого ужасно. Обычно людям, кого ни возьми, до смерти хочется попасть в книгу, угадывают себя, где и не придумаешь, а Рейчел прямо взвизгивает, если я даже вскользь

упомяну какое-нибудь место, где, скажем, мы с ней были вдвоем, — для нее тогда все испорчено. Но все равно, о господи, Брэдли, ну что я за идиот!.. Словом, все началось с такой пустяковой ссоры, но потом она сказала одну обидную вещь о моей работе в целом, сказала, что... ну, не важно... мы начали ругаться, ну и я, вероятно, тоже высказался о ней не слишком одобрительно, просто для самозащиты, а тут еще мы пили с ней коньяк с самого обеда... Как правило, мы много не пьем, но мы начали ссориться и все наливали себе и наливали, с ума сойти можно. Кончилось тем, что она страшно расплилась, уже себя не помнила и заорала на меня, как будто ее режут, а я этого не выношу. Я толкнул ее слегка, только чтобы она перестала орать, а она вцепилась мне в щеку ногтями, вон как разодрала... а, черт, больно. Ну, я перепугался и стукнул ее: надо же было, чтобы она замолчала. Совершенно не могу выносить крики, вопли и сцены, я их просто боюсь. Она визжала как фурия, выкрикивала разные невозможные вещи о моих книгах, и я ударил ее рукой, чтобы прекратить эту истерику, но она все бросалась и бросалась на меня, и я наклонился и поднял у камина кочергу, чтобы не подпускать ее к себе, а она как раз в это время дернула головой — она ведь плясала вокруг меня как бешеная, — как раз дернула головой и прямо наткнулась на кочергу. Звук был такой ужасный — о господи! Я, разумеется, не хотел ее ударить, то есть я ее и не ударил... Она упала на пол и лежала так неподвижно, глаза закрыла, мне даже казалось, что она перестала дышать... Ну и вот. Я страшно перепугался, схватил кувшин с водой и вылил на нее, а она лежит и не двигается. Я был вне себя... А когда я отошел, чтобы принести еще воды, она вскочила и убежала наверх и заперлась в спальне... Я просил, но она не отпирала и не отзывалась. Нелзя было понять, то ли она это назло притворяется, то ли действительно ей худо, ну вот я и не знал, что мне делать... О господи, ведь я же не хотел ее ударить.

Наверху послышались шаги, звук отпираемой двери. Мы оба вскочили. Фрэнсис свесился вниз и проговорил: «Все в порядке». Его потрепанный синий пиджак был покрыт каким-то странным рыжеватым ворсом, и я догадался, что это волосы Рейчел: очевидно, он обстриг их, чтобы осмотреть ей голову. Его невообразимо грязная рука сжимала белые перила.

— Слава богу, — сказал Арнольд. — Знаете, я думаю, что она все время просто притворялась. Но все равно слава богу. Что нужно?..

— Серьезных повреждений нет. У нее большая шишка на темени и состояние неглубокого шока. Возможно, легкое сотрясение мозга. Пусть полежит в постели в затемненной комнате. Аспирин, любое успокаивающее средство, что она там у вас принимает на ночь, грелки, горячее питье, то есть чай, и прочее. Лучше показать ее вашему лечащему врачу. Ничего серьезного, скоро пройдет.

— Ах, спасибо, доктор, — сказал Арнольд. — Значит, ничего страшного, слава богу.

— Она хочет видеть вас, — сказал Фрэнсис мне.

Мы успели снова подняться на площадку.

Арнольд опять начал звать:

— Дорогая, дорогая! Пожалуйста...

— Я узнаю, в чем дело, — сказал я и приотворил оставленную незапертой дверь.

— Только Брэдли, только Брэдли! — Голос, все еще еле слышный, звучал несколько тверже.

— О господи! Это ужасно. Разве мало я... — застонал Арнольд. — Дорогая!

— Пойдите вниз и налейте себе еще рюмку, — сказал я ему.

— Я бы не отказался от рюмочки, — ввернул Фрэнсис.

— Не сердись на меня, пожалуйста, дорогая!..

— Выкиньте сюда мой плащ, если не трудно, — попросил Фрэнсис. — Я его там оставил на полу.

Я вошел, подобрал и выкинул ему плащ и снова закрыл дверь. Было слышно, как Арнольд с Фрэнсисом спускаются по лестнице.

— Заприте дверь.

Я повернул ключ.

Фрэнсис задернул шторы, и теперь в комнате стоял густой розоватый сумрак. Вечернее солнце, бледно сиявшее за окном, уныло подсвечивало крупные лопухие цветы на полотне. Здесь все дышало скукой спален, той зловещей, тоскливой заурядностью, которая служит напоминанием о смерти. Туалетный столик может быть ужасен. У Баффинов он стоял у окна, загораживая свет, и являл улице свою безобразную изнанку. Стеклянная поверхность была покрыта слоем пыли и заставлена всевозможными флаконами, завалена тюбиками, забросана катышками вычесанных волос. Ящики были задвинуты не полностью, виднелось розовое белье, свисали какие-то ленточки, бретельки. На кровати был хаос и разорение; зеленое покрывало из искусственного шелка низвергалось в одну сторону, простыни и одеяла были скомканы и смяты, точно старческое лицо. В воздухе стоял теплый, нескромный, обезоруживающий запах пота и пудры. Вся комната дышала немym ужасом смертной плоти, тупым, бездушным, необратимым.

Не знаю, почему я тогда сразу и так пророчески подумал о смерти. Может быть, потому, что Рейчел, наполовину прикрытая одеялом, натянула на лицо край простыни.

Ноги ее в лакированных туфлях на высоком каблуке торчали из-под зеленого шелкового покрывала. Робко, чтобы как-то завязать разговор и вызвать ее на ответ, я сказал:

— Дайте-ка я сниму с вас туфли.

Она не пошевелилась, и я с трудом стянул с нее туфли. Рука моя ощутила мягкое тепло влажной ступни в коричневом чулке. Едкий кислый запах влился в пресную атмосферу комнаты. Я отер ладони о брюки.

— Лучше ложитесь в постель по-настоящему. Сейчас я немного поправлю одеяло.

Она подвинулась, откинула простыню с лица и даже приподняла ноги, чтобы я мог вытащить из-под нее одеяло. Я немного расправил одеяло, натянул его на нее, отвернул край простыни. Она уже больше не плакала, а только лежала и потирала синяк на скуле. Он стал темнее, растекся вокруг глазницы, глаз совсем сузился, осталась только слезящаяся щель. Влажный, опухший рот ее был слегка приоткрыт, неподвижный взгляд устремлен в потолок.

— Я налью вам грелку, хорошо?

Я отыскал резиновую грелку, наполнил ее в ванной горячей водой. От ее засаленного шерстяного чехла пахло потом и сном. Он слегка подмок у меня с одной стороны, но вода была вполне горячая. Я приподнял край одеяла и простыни и сунул грелку куда-то к ее бедру.

— Аспирину, Рейчел? Это у вас аспирин здесь?

— Спасибо, не надо.

— Поможет вам.

— Нет.

— У вас ничего серьезного. Доктор сказал, скоро пройдет.

Она очень глубоко вздохнула и уронила руку на одеяло. Она лежала теперь, вытянув по бокам руки кверху ладонями, точно вынутый из гробницы Иисус, на чьем мертвом теле еще видны следы жестокого обхождения. К пятнам высохшей крови по переду синего платья пристали обрезки волос. Глухим, но уже немного окрепшим голосом она проговорила:

— Какой ужас, какой ужас, какой ужас.

— Ничего страшного, Рейчел. Это пустяки, доктор говорит, что...

— Я просто уничтожена. Я... я умру со стыда.

— Глупости, Рейчел. Обычная вещь.

— И он еще зовет вас — чтобы вы видели.

— Рейчел, он дрожал как лист, он думал, что вы лежите здесь без сознания, он был вне себя от страха.

— Я никогда не прощу его. Вы будете моим свидетелем. Никогда не прощу. Никогда. Никогда! Пусть хоть двадцать лет простоит передо мной на коленях. Такие вещи женщина не прощает. И когда понадобится, не подаст руку помощи. Он тонуть будет, я пальцем не пошевелию.

— Рейчел, вы сами не понимаете, что говорите. Ради бога, оставим эту скверную декламацию. Конечно, вы его простите. Я уверен, что вы тут оба виноваты. Ведь вы же тоже его ударили, вон какую монограмму оставили на щеке.

— О-ох! — Ее возглас выразил грубое, почти вульгарное отвращение. — Никогда, — повторила она. — Никогда, никогда. О, я так... так несчастна!

Завывания и слезы возобновились. У нее горели щеки.

— Перестаньте, пожалуйста. Вам нужно отдохнуть. Примите вот аспирин. И попробуйте уснуть. А хотите, я принесу чаю?

— Уснуть! Когда у меня на душе такое! Я в аду — он отнял всю мою жизнь. Он все, все испортил. Я ничуть не глупее его. Но он меня обездолил. Я не могу работать, не могу думать, не могу существовать — и все из-за него. Его писания — повсюду. Он у меня все отбирает, все присваивает себе. А я не могу даже быть самой собой, не могу жить собственной жизнью. Просто я его боюсь, вот и все. Все мужчины, в сущности, презирают женщин. А все женщины боятся мужчин. Просто мужчины физически сильнее, вот и все, в этом все и дело. Они пользуются своей силой, за ними всегда последнее слово. Можно спросить любую женщину в бедных кварталах, они там знают. Он поставил мне синяк под глазом, как обыкновенный хулиган, как все эти пьянчуги-мужья, которых потом судят. Он и раньше меня бил, это ведь не первый раз, какое там. Он не знает, я ему не говорила, но когда он в первый раз меня ударил, наш брак на этом кончил-

ся. И он говорит обо мне с другими женщинами, я знаю, он делится с другими женщинами, обсуждает меня с ними. Они так им восхищаются, так ему льстят. Он отнял у меня всю мою жизнь и все, все испортил, все разбил, изуродовал, живого места не оставил, словно все косточки переломал, все уничтожил, погубил, все отнял.

— Перестаньте, Рейчел, перестаньте, пожалуйста, я не хочу слушать. Вы сами не понимаете, какой вздор твердите. И не говорите мне, пожалуйста, таких вещей. Потом пожалеете.

— Я не глупее его. Он не разрешал мне пойти работать. И я подчинялась, я ему всегда подчинялась. У меня нет ничего своего. Весь мир принадлежит ему. Все — его, его, его! Нет, если нужно будет, я не подам ему руку помощи. Пальцем не шевельну, пусть тонет. Пусть огнем горит.

— Вы ведь не всерьез это говорите, Рейчел. Вот и не надо говорить.

— Я и вам никогда не прощу, что вы видели меня в таком состоянии, с разбитым лицом, и слышали, как я говорила все эти ужасные вещи. Я буду вам улыбаться, но в душе никогда не прощу.

— Рейчел, Рейчел, зачем вы меня огорчаете?

— Вот сейчас вы спуститесь к нему и будете гадко говорить с ним обо мне. Знаю я эти мужские разговоры.

— Нет, что вы!

— Я вам отвратительна. Жалкая, скулящая пожилая тетка.

— Да нет же...

— О-ох! — Опять этот ужасный возглас глубочайшего, нестерпимого отвращения. — Теперь, пожалуйста, уйдите и оставьте меня. Оставьте меня наедине с моими мыслями, с моей мукой, с моим возмездием. Я буду плакать всю ночь, всю ночь напролет. Извините меня, Брэдли. Передайте Арнольду, что я должна отдохнуть и прийти в себя. Пусть оставит меня сегодня в покое. Завтра я постараюсь, чтобы все было как обычно. Никаких упреков,

жалоб — ничего. Как я могу его упрекать? Он опять разозлится, опять меня испугает. Лучше уж оставаться рабыней. Передайте ему, что завтра я буду такой же, как всегда. Да он, конечно, и сам это знает и нисколько не тревожится, он уже успокоился. Только сегодня, пожалуйста, я не хочу его видеть.

— Хорошо, я передам. Не сердитесь на меня, Рейчел. Я ведь не виноват.

— Пожалуйста, уходите.

— А может, принести вам чаю? Доктор сказал: горячего.

— Уходите.

Я вышел из спальни и тихо закрыл за собою дверь. Раздались быстрые мягкие шаги, в замке повернулся ключ. Я спустился по лестнице с чувством растерянности и — да, она была права — отвращения.

За это время стемнело, солнце больше не сияло на улице, и все в доме стало коричневым и холодным. Я вошел в гостиную, где сидели и беседовали Арнольд с Френсисом. Горел свет, и был включен электрокамин. Я увидел осколки стекла и фарфора, пятно на ковре. Гостиная у них в доме была большая, вся увешанная коврами машинной работы и скверными современными литографиями. Много места в ней занимали два огромных динамика от Арнольдова стереопроеигрывателя, затянутые оранжевой кисеей. Сквозь выходящую на веранду стеклянную дверь открывался вид на столь же изобиловавший красотами сад, весь назойливо зеленый в грозном, бессолнечном свете, и бесчисленные птицы наперебой распевали там свою лирическую бессмыслицу, порхая в декоративных пригородных деревьях.

Арнольд вскочил при виде меня и бросился к двери, но я остановил его:

— Она сказала, чтобы сегодня к ней больше никто не приходил. Завтра, она сказала, все будет как обычно. Но сейчас она хотела бы заснуть.

Арнольд сел.

— Да, будет лучше, если она сейчас поспит немного, — сказал он. — Бог мой, какая гора с плеч! Пусть отдохнет. Наверное, через часок-другой сама спустится к ужину. Приготовлю ей что-нибудь вкусное, сюрприз. Господи, какое облегчение!

Я почувствовал, что должен слегка умерить его восторги. Я сказал:

— Однако это был довольно серьезный несчастный случай. — Я надеялся, что Арнольд без меня не вздумал исповедоваться Фрэнсису.

— Да-да. Но она спустится, я знаю. Она вообще быстро приходит в себя. Я, конечно, не буду теперь ей мешать, пусть отдохнет. Доктор говорит, это не... Налить вам, Брэдли?

— Да, пожалуйста. Хересу.

Он просто не понимает, думал я, что он наделал, не представляет себе, как она сейчас выглядит, что чувствует. Совершенно очевидно, что он никогда даже не пытался заглянуть ей в душу. Возможно, конечно, что им руководит инстинкт самосохранения. Он умеет закрывать глаза на собственные проступки. А может быть, я заблуждаюсь? Не исключено, что уже сейчас, отведав душу, она успокоилась. Спустится к ужину и будет с удовольствием уписывать приготовленные мужем деликатесы. Брак — это загадочная область.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — говорил Арнольд. — Очень жаль, что я вас обоих втянул в эту историю.

Без сомнения, он действительно сожалел об этом. Он, наверное, думал сейчас, что, не потеряй он сегодня на минуту присутствия духа, никто бы ничего не знал и все осталось бы между ними. Однако, как и предсказывала Рейчел, он успел заметно оправиться от потрясения. Он сидел очень прямо, бережно держа в ладонях стакан, и, закинув ногу на ногу, ритмично покачивал маленькой, аккуратной, хорошо обутой стопой. Вообще во внешности Арнольда все казалось небольшим и аккуратным, хотя

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издателя	5
Предисловие Брэдли Пирсона	7

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

Праздник любви

Часть первая	21
Часть вторая	257
Часть третья	375
Послесловие Брэдли Пирсона	466
Четыре послесловия четырех действующих лиц	
Послесловие Кристиан	482
Послесловие Фрэнсиса	486
Послесловие Рейчел	492
Послесловие Джулиан	499
Послесловие издателя	505

Литературно-художественное издание

АЙРИС МЕРДОК
ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.02.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
 www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-18367-03-R